

ПОСЛЕДНИЙ РЕДАКТОР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ИИ
Александра Речная

Александра Речная

Последний редактор человечества

«Автор»

2026

Речная А.

Последний редактор человечества / А. Речная — «Автор», 2026

Что останется от человеческого голоса, когда любую фразу можно сделать «лучше» — по расчетам алгоритма? Лев привык править тексты по подсказкам системы. Но ему поручают проверить последнюю книгу, написанную без ИИ. До сдачи — двенадцать часов. В рукописи есть ошибки, неловкие фразы и места, которые алгоритм предлагает сгладить. Но за каждой правкой — выбор: сделать текст яснее или стереть то, что автор хотел сказать? «Последний редактор человечества» — антиутопия о внимании, ответственности и праве на собственный голос. Вместе с Львом читатель учится отличать факт от предположения, точность — от категоричности, помощь — от подмены чужой воли. История для тех, кто хочет сохранить собственный вкус и способность принимать решения в мире готовых ответов. Иногда лучший способ помочь — вовремя остановиться. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Речная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпоха гладких текстов	6
Книга без машинного следа	10
Назначение последнего редактора	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александра Речная
Последний редактор человечества
Последний редактор человечества
Александра Речная

Эпоха гладких текстов

Лев удалил слово «нежный» из рекламного текста и сразу получил предупреждение.

Отклонение снижает эмоциональную конверсию на 3,8%. Вернуть рекомендованную формулировку?

Он посмотрел на экран. Потом на стакан кофе, который успел остыть, пока система подбирала для него идеальный тон.

На баннере светилась настольная лампа: матовый круг, мягкое золотое сияние, комната без единой лишней вещи. Рядом располагался текст, уже прошедший три автоматические редакции:

С NOVA каждый вечер становится уютнее. Мягкий свет помогает замедлиться, восстановить силы и почувствовать гармонию дома.

Вариант был безупречен. В нём не было ни одной ошибки, двусмысленности или фразы, способной смутить покупателя. Даже слово «уютнее» система проверила на фокус-группе из двадцати тысяч цифровых профилей. Люди, по заключению модели, охотнее покупали лампы, если обещание звучало тепло, но не слишком интимно.

Лев перечитал текст и не смог вспомнить его начало, хотя смотрел на него уже пять минут.

Он выделил предложение и набрал:

Вечером свет в комнате становится похож на окно, которое никто не стал закрывать.

Под строкой немедленно возникли два индикатора. Первый сообщал, что текст «избыточно образный». Второй предлагал три улучшения: «Создайте атмосферу уюта», «Наполните дом мягким светом», «Подарите себе спокойствие». Все три были гладкими, ясными и совершенно одинаковыми. Лев нажал «оставить мой вариант», хотя пока не был уверен, что считает его своим.

— Ты с ним споришь? — спросила Мара из-за перегородки.

Она стояла с чашкой и улыбалась так, будто уже знала ответ.

— С кем?

— С редактором.

— Он предлагает.

— Значит, споришь. Система не спорит, Лев. Она заботится о тебе.

Мара сказала это без насмешки. Она действительно верила в заботу системы, как верила в то, что любая неловкость — временный сбой, который можно исправить.

Лев снова посмотрел на текст.

— Он звучит так, будто лампа уже извинилась за то, что существует.

Мара заглянула в его монитор.

— Это реклама. Ей не нужно существовать. Ей нужно продавать.

Она отпила кофе и ушла к своему столу. На её экране мигали зелёные отметки: «Тон: дружелюбный», «Структура: оптимальная», «Уровень доверия: высокий». Работа Мары была принята с первой попытки. Она набрала запрос из двух слов, выбрала третий результат и успела до девяти утра ответить на все письма.

В редакции давно не говорили «написать». Говорили «собрать», «настроить», «провести через». Написание считалось ремеслом, как переписывание документов от руки или проявка плёнки: приятным для любителей, но неразумным в профессиональной среде. Текст создавался быстро, проверялся мгновенно, а потом человек подтверждал, что результат ему подходит.

Лев был редактором. Его работа заключалась в том, чтобы находить ошибки в предложениях, которых никто не писал.

В девять двадцать он закрыл рекламный макет и направился к лифтам. На телефоне уже мигал маршрут до офиса: система предлагала обойти улицу, где ремонтировали тротуар, и предупреждала, что на перекрёстке возможна задержка в сорок секунд.

— Через двести метров поверните направо, — произнёс навигатор. — Это позволит сократить путь и сохранить утреннее спокойствие.

Лев свернул направо.

На соседнем экране в автобусе бежала новостная лента. Заголовки были короткими и успокаивающими: «Город обновляет парк», «Специалисты объяснили причину задержек», «Как провести неделю без лишнего стресса». Под каждым заголовком стояла кнопка «Кратко». Люди нажимали её, не дочитывая сам заголовок. Через минуту появлялся ещё более короткий пересказ, через пять — аудиOVERсия, рассчитанная на время поездки до следующей остановки.

Женщина у окна слушала выпуск, пока наносила на губы помаду. Подросток рядом листал персональную подборку, где все новости начинались с того, что уже могло его заинтересовать. Мужчина напротив диктовал сообщение, а телефон подчищал паузы и менял слова.

— Прости, что не ответил сразу. День выдался насыщенный, но я рад, что ты написала, — проговорил мужчина.

На экране его телефона появилось: **«Прости за задержку. День был плотным. Рад твоему сообщению».**

Он прочёл, кивнул и отправил.

Леву пришло сообщение от матери: «Ты сегодня заедешь? У меня опять...» Дальше стоял значок голосового набора. Он открыл ответ, набрал: «Постараюсь. На работе завал». Помощник предложил более заботливую версию: **«Мам, сегодня много дел, но я постараюсь выкроить время. Давай созвонимся вечером?»**

Лев выбрал её. Ему показалось, что так звучит внимательнее. Он не стал уточнять, внимательнее к кому именно.

В редакции уже установили новый порядок: ни один текст не покидал систему без «проверки человеческой уместности». Проверка занимала в среднем одиннадцать секунд. Человек читал заголовок, оценивал тон, нажимал кнопку. Если сомневался, система объясняла, что именно вызывает сомнение: резкость, неопределённость, недостаток сочувствия, чрезмерная эмоциональность.

«Пожалуйста, не беспокойтесь» заменяли на «Мы понимаем, как это важно для вас».

«Нет» — на «Сейчас это невозможно, но мы рассмотрим альтернативы».

«Я не знаю» — на «Мне нужно больше информации, чтобы ответить точно».

Никто не запрещал людям говорить по-своему. Просто собственный вариант требовал усилий, а усилие всегда вызывало подозрение. Если мысль можно было сформулировать лучше, зачем оставлять её сырой? Если фразу можно было смягчить, почему причинять неудобство? Если существовала подсказка, отказ от неё выглядел не смелостью, а беспечностью.

Лев знал это не только по работе.

В детстве он писал сочинения медленно. Учительница возвращала тетради с замечаниями: «Неуклюже», «Повтор», «Сформулируй яснее». Один раз он написал, что после дождя школьный двор пахнет мокрой шерстью. Учительница поставила на полях вопросительный знак. Лев тогда решил, что заметил что-то неправильно. Позже он научился замечать ошибки, которые можно доказать, и обходить стороной ощущения, которые доказать было нельзя.

К обеду рекламный текст был принят. Лампа стала «источником мягкого равновесия» и «простым способом вернуть вечеру спокойный ритм». Лев не знал, что значит мягкое рав-

новесие, но показатели обещали рост продаж. В отчёте стоял зелёный круг, и это выглядело убедительнее любого смысла.

— Отличная работа, — сказала Мара, проходя мимо. — Чисто, точно, без шероховатостей.

— Ты когда-нибудь замечала, что слово «чисто» звучит так, будто текст только что продезинфицировали?

— Конечно. Поэтому мы и не используем его в публичной коммуникации.

Она улыбнулась. Лев тоже улыбнулся, потому что реплика была смешной и потому что улыбка не требовала объяснений.

После обеда он проверил ещё семь материалов. Инструкцию для кофемашины, уведомление о переносе доставки, письмо сотрудникам о новом приложении для сна. Все были понятны. Ни в одном не было ничего, за что читателю пришлось бы зацепиться. Лев исправлял запятые, убирал повторы, возвращал исчезнувшие артикли в автоматические переводы. Иногда он одобрял текст одним нажатием и чувствовал, как его рабочий день становится короче, а вместе с ним — будто бы и сам он.

К вечеру он поймал себя на том, что перечитывает собственную заметку для матери. Там было слово «постараюсь». Система отметила его как «неопределённое обещание» и предложила заменить на «сделаю всё возможное». Лев задержал палец над экраном.

Он не хотел делать всё возможное. Он хотел увидеть мать, если успеет, и не обещать того, чего не знает. Но формулировка «постараюсь» звучала так, словно он уже приготовился не прийти.

Он оставил сообщение без изменений. Не потому, что принял решение, а потому, что устал выбирать между вариантами, которые не были его.

В половине седьмого Лев вышел из здания. Дождь прошёл незадолго до этого, и город блестел свежей, немного липкой темнотой. На стеклянных фасадах отражались фары. У входа мужчина пытался удержать дверь плечом и одновременно складывал зонт; вода капала ему за воротник. На остановке девочка пересчитывала яблоки в бумажном пакете. Продавщица киоска вытирала рукавом мокрое яблоко, прежде чем положить его обратно.

Лев остановился. Сцена была маленькая, почти ничем не примечательная. Он заметил её, но не сразу понял, зачем задержался.

Телефон завибрировал.

Хотите сохранить это наблюдение? Предлагаем подпись: «В городе всегда найдётся место для простых человеческих жестов».

Лев почувствовал раздражение — тихое, как песчинка под веком. Подпись была гладкой и годилась для любого киоска, любой улицы, любого человека. Она уже знала, что он увидел, и сообщала ему, что именно он должен был увидеть.

Он открыл настройки. Список был длинным: автоматические ответы, подбор тона, умное исправление, продолжение фразы, краткие пересказы. Лев выбрал «Автодополнение» и нажал «Выключить».

Телефон предупредил, что это может снизить скорость набора и увеличить число ошибок.

— Хорошо, — сказал Лев.

Он не знал, обращался ли к телефону или к себе.

Экран заметно опустел. Лев открыл заметки. Курсор мигал в белом поле, и от этого простого мигания ему вдруг стало неудобно. Никаких вариантов под строкой, никакого серого продолжения, уже приготовленного за него. Только место, где следовало поставить слово.

Он набрал: «Вечерний город после дождя выглядит...»

Появились не подсказки, а только его собственное начало. Лев остановился. Рука потянулась к клавиатуре, чтобы дописать что-нибудь правильное: спокойным, обновлённым, мяг-

ким. Он вспомнил школьный вопросительный знак на полях, короткую паузу матери в голосовом сообщении, мокрое яблоко в рукаве продавщицы.

Он удалил начало и написал заново:

У киоска продавщица вытирала с яблока дождь рукавом.

Прочитал. В этой фразе не было вывода. Она ничего не обещала и не объясняла. Яблоко оставалось яблоком, дождь — дождём, рукав — рукавом. Лев вдруг понял, что запомнит эту сцену не потому, что она была красивой, а потому, что именно так и произошло.

Он перечитал фразу ещё раз. Она показалась ему неловкой. Потом — настоящей. Между этими словами не было большой разницы, кроме того, что первое он обычно старался исправить.

У остановки мужчина поднял зонт, посмотрел на чистое небо и всё же раскрыл его. Наверное, вода капала с края. Наверное, он просто привык. Лев не стал придумывать ему объяснение. Он положил телефон в карман.

Автобус подошёл, двери раскрылись. Навигатор в наушнике сообщил, что до дома быстрее добраться на следующем маршруте, и предложил включить спокойную аудиоподборку. Лев снял наушник. На этот раз он сам выберет, куда идти, когда выйдет.

Он дошёл до дома пешком. У подъезда пахло мокрым камнем и чьим-то ужином. На лестнице лампа мигнула и загорелась. Лев подумал, что свет в комнате действительно может быть похож на окно, которое никто не стал закрывать. Но мысль пока не понадобилась, и он не стал записывать её.

В квартире он поставил чайник и открыл рабочую почту. В верхней части экрана появилось уведомление из закрытого архива издательской сети.

Поступила рукопись для экспертной проверки.

Лев открыл сообщение. В строке отправителя стояло название фонда, который занимался сохранением литературных текстов. Ниже располагались результаты первичного анализа:

Машинный след не обнаружен. Автоматическая генерация, редактура и стилистическая адаптация не подтверждены. Требуется человеческая проверка происхождения и текста.

Лев перечитал уведомление. Слово «человеческая» выглядело здесь почти как технический термин.

Под ним была кнопка: **Принять рукопись.**

Он посмотрел на телефон, лежавший рядом с чайником. На экране всё ещё оставалась фраза про продавщицу и яблоко. Лев нажал «Принять».

Кнопка сменила цвет. Архив сообщил, что рукопись будет доставлена утром.

Он выключил экран и впервые за день не стал проверять, правильно ли поступил.

Книга без машинного следа

В семь утра рукопись пришла не как книга, а как тёмный прямоугольник на экране.

Лев уже сидел в редакционной комнате: куртка висела на спинке стула, остывший чай пах железом, за стеклом медленно расползлся дождь. На рабочей панели появилось уведомление: **Защищённый пакет доставлен. Проверить целостность перед открытием.**

Он приложил личный ключ к сенсору. Прямоугольник дрогнул, будто за ним кто-то шевельнулся.

Внутри лежали три файла: сама рукопись, манифест передачи и отчёт первичного анализа. Название рукописи было коротким: **«Пока мы помним»**. Имя автора отсутствовало.

Лев не стал сразу открывать отчёт. Сначала запустил проверку пакета. Система сравнила контрольную сумму доставленного файла с той, что фонд записал при отправке. Через несколько секунд появилась зелёная строка: **Совпадение подтверждено. Файл не изменён при передаче.**

Это было первое достоверное утверждение за утро. Не самое важное, но удобное. Можно было опереться на него и двинуться дальше, не притворяясь, что весь путь уже пройден.

В отчёте первичного анализа говорилось: **Машинный след не обнаружен. Автоматическая генерация, редактура и стилистическая адаптация не подтверждены.**

Внизу мигала кнопка: **Сформировать предварительное заключение.**

Лев не нажал.

На соседней панели висело напоминание фонда. Национальный архив принимал книгу до 23:59 следующего дня. После срока пакет возвращался в хранилище, а окно передачи приходилось запрашивать заново. Старый порядок, объясняли в уведомлении, был связан с ограниченной вместимостью архивного контура. Лев знал: «ограниченная вместимость» в последнее время означала почти всё, что раньше называлось выбором.

Он открыл манифест.

Пакет зарегистрировали в архиве фонда одиннадцать дней назад. До этого рукопись находилась в закрытом хранилище без публичного доступа. Файл прошёл через изолированный терминал. В журнале значилось тридцать восемь сохранений, шесть раз менялась структура глав, дважды удалялись фрагменты. Последний сеанс редактирования длился сорок семь минут.

Поля «Автор» и «Создатель документа» были очищены. Вместо имени стоял служебный код: **М-04.**

Лев записал его на полях электронной карточки и открыл историю версий. Система восстановила ленту изменений: короткие поправки, переносы абзацев, исправленные опечатки. В одном месте слово «соседка» заменили на «женщина с третьего этажа», а через две версии вернули обратно. В другом удалили целый абзац, затем вставили его почти без изменений, но с переставленной последней фразой.

Такая работа могла быть следом живого письма. Могла быть хорошо подготовленной имитацией живого письма. Лента показывала действия с текстом, но не человека, который их совершал.

Лев вызвал специалиста фонда по происхождению файлов. Надежда откликнулась не сразу. Её лицо возникло в маленьком окне: волосы собраны в тугий узел, на переносице — красная полоска от очков.

— Ты уже видел отчёт? — спросила она.

— Видел. Хочу понять, что именно вы называете отсутствием следа.

Надежда выдохнула. За её спиной кто-то двигал архивные ящики; звук был мягкий и тяжёлый.

— Мы проверяем журналы подключений, историю файла, доступные метки происхождения и характер изменений. Ищем обращения к генеративным сервисам в зарегистрированной среде. Сопоставляем текст с вероятностными моделями.

— То есть вы не доказываете, что текст написал человек.

— Нет, — сказала она. — Мы доказываем только то, что не нашли определённых свидетельств машинного участия. Это не одно и то же.

— А если текст вставили из другого места?

— Тогда, возможно, следа не будет.

— Если работали на устройстве без сетевого доступа?

— Тоже возможно.

— Если машину попросили написать так, будто она спотыкается?

Надежда посмотрела прямо в камеру.

— Тогда она может споткнуться убедительно.

Лев провёл пальцем по краю стола. Под ногтем зацепилась старая царапина.

— Зачем тогда отчёт?

— Чтобы отделять то, что мы проверили, от того, чего мы не проверили. Не больше. Он полезен, пока никто не принимает его за свидетельство о рождении.

Связь оборвалась после короткого предупреждения о перегрузке сети. Лев ещё несколько секунд смотрел на пустое окно, потом открыл редакторскую карточку проверки. В стандартной форме было три раздела. Он никогда раньше не заполнял их вручную: обычно система подставляла выводы, а человек подтверждал или оспаривал.

Сегодня он убрал автоматические подсказки.

Что известно: Пакет доставлен в целости. Контрольная сумма совпадает с записью фонда. В журнале файла отмечены тридцать восемь сохранений и шесть изменений структуры. Автоматические обращения не обнаружены в доступных журналах проверки.

Что предполагается: Текст редактировали последовательно. Изменения могут соответствовать работе одного или нескольких людей. Удалённые и возвращённые фрагменты могут указывать на авторскую правку.

Что остаётся неизвестным: Кто создавал текст. Где и когда возникли ранние версии. Использовались ли неучтённые устройства или внешние сервисы. Почему авторские поля очищены.

Он перечитал написанное. Формулировки казались сухими, зато не обещали большего, чем могли выдержать.

В графе «Уверенность» система предлагала выбрать одно из значений: высокая, средняя, низкая. Лев поставил **средняя** и добавил: **Только относительно проверенных данных**.

Теперь он открыл рукопись.

Первая страница была почти пустой. В верхней части стояло посвящение: **Тем, кого мы перестали называть по имени**. Ниже начиналась глава о старом доме у железнодорожной насыпи.

«Когда мама забыла моё имя, она звала меня девочкой. Я не поправляла её. В тот день я украла из больничной кухни три пакетика сахара. Не потому, что мне хотелось сладкого. Я боялась, что без сахара она окончательно решит, будто я чужая».

Лев остановился.

Фраза не просила восхищения. Даже немного мешала: пояснение о сахаре приходило там, где читатель уже мог догадаться. Он заметил в этом не качество и не дефект, а лишь факт: текст задерживал смысл, словно автор не доверял чужой скорости.

Лев потянулся к панели анализа. На ней уже возникла кнопка: **Проверить фрагмент на стилистическую согласованность**. Палец завис над ней.

Потом он отключил боковую панель целиком.

Экран стал шире. Комната — тише.

Он решил прочитать пять страниц без анализа, комментариев и поисковых подсказок. Не для того, чтобы доказать, что способен обходиться без инструмента. Просто хотел понять, что увидит, если не получит готового объяснения раньше текста.

На третьей странице рассказчица описывала лестницу в доме. На четвёртой признавалась, что не помнит, кто упал на четвёртой ступени. На пятой сообщала, что всегда говорит о трёх ведрах, хотя их было два.

«Третье ведро я добавляю, чтобы мама не оставалась одна с водой».

Лев вернулся к началу абзаца. Там стояло: «Я помню лестницу, потому что на четвёртой ступени застряла синяя пуговица. Человека, который там упал, я не помню».

Повтор не совпадал дословно. «Не помню» возвращалось, но каждый раз меняло направление. Сначала это было признание, затем почти оправдание, потом — что-то похожее на упрямство.

На полях рукописи имелась старая помета, перенесённая из истории версий: **Не убирать “не помню”. Так было.**

Эта строка могла быть авторской. Могла быть оставлена редактором. Могла быть частью чьей-то искусной постановки. Лев внёс её в карточку не как доказательство, а как наблюдение: «В рабочей заметке содержится просьба сохранить повтор. Авторство заметки неизвестно».

К шестой странице голос книги неожиданно изменился. Рассказчица, до этого вспоминая больницу и мать, вдруг заговорила о протекающем кране:

«Кран капал так громко, будто в доме поселился маленький начальник. Он требовал отчёта за каждую ночь. Мы сдавали ему по одному звуку».

Лев улыбнулся, но сразу перестал. Фраза была смешной, однако за ней не следовало объяснения, зачем она здесь. Через абзац рассказчица сообщала, что потеряла ключ и четыре дня входила в дом через окно, пока сосед не заметил. Ещё через страницу уточняла, что сосед был мёртв уже два года.

Неужели ошибка? Или память сдвигала события? Лев отметил страницу, но не исправил текст даже в уме. Он поймал себя на желании спросить систему, «является ли это намеренной временной неоднозначностью». Вопрос звучал готовым и полезным. Он также убирал его собственную растерянность.

Лев ничего не спросил.

Он продолжал читать. В рукописи попадались обрывки, которые казались лишними: цена за килограмм картошки, выцветший плакат у лифта, запах мокрой шерсти в автобусе. Потом эти детали возвращались, но не всегда там, где он ожидал. Плакат о профилактике памяти появлялся в сцене похорон. Запах шерсти — в воспоминании о летнем дне. В одном абзаце было сказано, что мать боялась темноты; через несколько страниц рассказчица признавалась, что сама оставляла включённым свет, чтобы мать могла спать.

Фразы тоже шли неровно. Длинная тянулась через три строки, короткая обрывалась посреди ровного ритма:

«Я тогда сказала, что всё в порядке. Не было».

Лев перечитал их дважды.

Он не знал, делает ли несовершенство текст живым. Знал только, что текст не старался нравиться ему каждую секунду. Иногда он утомлял, иногда раздражал, иногда вдруг оставлял в груди странную пустоту. Это было впечатлением, не доказательством происхождения. Лев записал и это различие.

К полудню он вернулся к карточке.

Наблюдения при чтении: повторяющиеся фразы меняют смысл в разных контекстах; временные связи местами неясны; встречаются конкретные бытовые детали, не объединён-

ные очевидной сюжетной функцией. Часть шероховатостей может быть намеренной, часть — ошибками. Оснований считать одно или другое установленным нет.

Он перечитал строку «не объединённые очевидной сюжетной функцией» и вычеркнул слово «очевидной». Оно звучало так, будто виноват текст, если он не объясняется с первого взгляда.

На панели всплыло новое сообщение от фонда. В нём напоминали, что для передачи в Национальный архив требуется экспертное заключение о происхождении и редакционной целостности. Система предлагала три варианта: **человеческое происхождение вероятно, происхождение не установлено, обнаружены признаки автоматического участия**.

Лев выбрал второй вариант. Затем добавил пояснение: «Доступные проверки не выявили машинного следа. Данный результат не подтверждает и не исключает использование неучтённых средств. Рукопись требует сохранения без стилистической нормализации».

На слове «нормализации» он остановился. Он хотел написать «редактирования», но передумал. Редактирование не обязательно уничтожало голос. Иногда оно помогало ему быть услышанным. Но в этой книге он ещё не знал, где голос, а где помехи.

За дверью прошёл сотрудник доставки, толкая пустую тележку. Колёса постукивали на стыках плит — три удара, пауза, ещё два. Лев вдруг вспомнил собственную утреннюю привычку: он собирался начать проверку с отчёта, потому что так было быстрее. Отчёт действительно был полезен. Но если бы он принял его за окончательный ответ, книга осталась бы для него набором подтверждений и несоответствий. Он бы проверил файл, не прочитав рукопись.

На экране по-прежнему стояла команда **Сформировать заключение**. Теперь она не казалась ловушкой. Просто кнопкой. Лев нажал её и внимательно прочитал каждую строку. Система внесла в документ хеш файла, перечень проверенных журналов и выбранную им формулировку. В конце появилось поле электронной подписи.

Он не подписал сразу. Сохранил черновик, закрыл рукопись и посмотрел на карточку. Данные были не выводами. Предположения были не данными. А его уверенность не становилась выше только потому, что экран умел выражать её точным числом.

Лев снова открыл файл и прочитал последнюю страницу, к которой добрался утром. Там рассказчица обращалась к неназванному читателю:

«Если ты нашёл это место, значит, я не всё запомнила. Не помогай мне. Хотя бы минуту».

Лев отодвинулся от стола. В комнате гудела вентиляция. Чай окончательно остыл. Он не знал, к кому обращалась эта женщина: к будущему читателю, к редактору, к человеку, которого боялась потерять. И всё же впервые за утро ему показалось, что он не проверяет текст, а находится рядом с ним.

На полке стоял старый принтер — выключенный, без картриджа, оставленный скорее как напоминание о прежней редакции, чем как устройство. Лев посмотрел на него, потом вызвал справочную службу фонда.

— Мне нужна бумажная копия рукописи, — сказал он.

Оператор на линии уточнил:

— Вы имеете в виду распечатку для личной проверки?

— Да. Полную. Без исправлений и автоматической разметки.

— Услуга печатных копий отменена несколько лет назад. Архив работает только с цифровыми экземплярами.

— Я знаю.

— Тогда запрос не может быть обработан стандартно.

Лев посмотрел на тёмный экран принтера.

— Передайте его вручную.

Связь замолчала. На панели карточки осталась открытой графа для заключительной подписи. Рядом с ней мигал незаполненный статус: **Ответственный редактор не назначен**.

Лев не коснулся этого поля. Пока ему требовалось только дожидаться, увидит ли кто-нибудь в архиве его просьбу.

Назначение последнего редактора

Связь оборвалась, но через девять минут на экране Льва появилось уведомление: **Ручной запрос принят к рассмотрению. Явиться в сектор специальных фондов. Срочно.**

Он перечитал сообщение дважды. Слово «срочно» в учреждениях обычно означало, что кто-то уже опоздал, но пока не решил, кого назначить виноватым.

Лев погасил экран принтера и пошёл к лифту.

Сектор специальных фондов находился за двумя дверями с разными способами распознавания. Первая просила ладонь, вторая — объяснить цель визита. Лев объяснил: ему нужна бумажная копия рукописи. Дверь подумала и пропустила его.

В переговорной пахло крепким чаем и пластиком от настольных панелей. За столом сидел Илья Сергеевич Савельев, куратор архива. Он не выглядел человеком, который мечтает отменить человеческую волю. Скорее человеком, которому нужно к утру сохранить бюджет, дедлайн и не меньше трёх разумных причин, почему одно из первых двух важнее третьего.

— Лев, — сказал он, указав на кресло. — Спасибо, что пришли. Ваш запрос оказался очень своевременным.

— Я предполагал, что именно поэтому он не может быть обработан стандартно.

Уголок рта Савельева дрогнул.

— Верно. Я посмотрел вашу историю работы. Вы давно не просили бумажные копии.

— Их давно не печатали.

— Именно. Значит, у нас обоих сегодня новые впечатления.

На панели стола раскрылась карточка рукописи. **Вера Андреевна Сомова. «Комната с северным окном». Статус: последняя авторская книга, созданная без генеративной системы.** Ниже стояли два поля: «Ответственный редактор» и «Заключительная подпись». Оба были пусты.

— Сомова написала книгу на автономном терминале, — сказал Савельев. — Часть текста сохранилась в файлах, часть — в распечатках с её пометками. Проверка происхождения завершена. В Национальном архиве рукопись примут после редакционной сверки. Публикация назначена на субботу.

Лев посмотрел на дату. До субботы оставалось меньше трёх суток.

— А если сверка не завершится?

— Архив выпустит подготовленную машинную редакцию. Мероприятие отменять поздно: приглашены исследователи, издатели, пресса. Мы не можем объявить о событии, посвящённом последней книге без генеративной помощи, а потом сообщить, что книга не готова.

— Можете, — сказал Лев. — Но это будет менее удобно.

— И значительно дороже.

Савельев произнёс это без раздражения. Он не прятал цену за рассуждениями о прогрессе и не изображал спасителя рукописи. Перед ним лежал график публикации, и он хотел, чтобы график не развалился.

— Я покажу вам предложенную редакцию, — сказал он. — Система исправит орфографию и пунктуацию, выровняет оформление, уберёт случайные повторы. Неудачные конструкции будут восстановлены по предыдущим книгам Сомовой. Никакой новой прозы, конечно.

— А что значит «неудачные»?

— Места, где читатель, вероятнее всего, споткнётся.

— И система знает, где читатель должен споткнуться?

— Она знает, где он обычно спотыкается.

— Это не одно и то же.

— Согласен, — сказал Савельев. — Но для нас сейчас это безопаснее, чем поручать весь текст человеку, который может решить, что автору следовало писать иначе.

Лев задержал взгляд на нём.

— Вы предлагаете машинную правку, потому что не доверяете человеческой.

— Я предлагаю её потому, что человеческое вмешательство непредсказуемо. Я видел редакторов, которые называли переписывание «ясностью». Видел экспертов, которые исправляли автора до тех пор, пока от автора не оставался только правильный стиль. Машина хотя бы применяет один и тот же критерий ко всему тексту.

На панели открылась демонстрационная страница. В строке оригинала было: «Она вернулась в комнату, где окно всю ночь держало свет». В редакции: «Она вернулась в комнату, где всю ночь горел свет».

Лев перечитал обе фразы.

— Это не исправление.

— Возможно, это упрощение.

— Тогда зачем подписывать его моим именем?

Савельев не ответил сразу. На панели возникла тонкая серая плашка: **Функция назначения редактора: подтверждение соответствия архивной редакции исходному материалу.**

— Потому что архиву нужен человеческий специалист, — сказал он. — Вы подтверждаете, что обработка выполнена корректно. Авторство книги устанавливает отдельная группа.

— То есть вы назначаете меня не редактором, а свидетелем того, что редакторская работа состоялась.

— Если говорить без ведомственных формулировок, примерно так.

Сухой юмор в голосе Савельева прозвучал не как издёвка, а как усталое признание.

Лев почувствовал знакомое движение пальца к зелёной кнопке **Принять назначение**. В его прежней работе эту кнопку нажимали до того, как успевали сформулировать вопрос. Процедура давала ощущение, что решение уже принято кем-то достаточно компетентным. Потом оставалось только не задерживать очередь.

Он убрал руку со стола.

— Что именно я должен подтвердить?

Савельев развернул карточку. Список был коротким: целостность файла, отсутствие несанкционированных изменений, соответствие утверждённому формату. В последней строке стояло: **Текстовая пригодность для публикации**.

— Это что значит? — спросил Лев.

— Что книгу можно публиковать.

— Кто определяет пригодность?

— Редактор.

— В этой форме — я?

— Формально да.

— Но редактировать мне не дают.

— Вам дают право остановить публикацию, если найдёте ошибку.

— И право подтвердить вариант, созданный системой, который я не вправе менять.

— Вы вправе сообщить о проблеме. Система подготовит новую редакцию.

— А если проблема не в орфографии, а в смысле?

Савельев на секунду отвёл глаза к демонстрационной строке. «Где окно всю ночь держало свет». Фраза могла быть странной. Могла быть точной. Могла быть единственной в книге, которую автор не согласилась бы заменить ни на какую другую.

— Тогда вы отметите её, — сказал Савельев. — Система предложит варианты.

— А автор?

— Автор не обязана участвовать в каждой редакционной операции.

— Я не спрашиваю о каждой операции. Я спрашиваю, кто решает, что именно она хотела сказать.

— По архивной практике это определяется контекстом.

— Кем?

Савельев не стал отвечать сразу. Панель приглушила яркость, будто и она сочла паузу частью деловой процедуры.

— Хорошо, — сказал куратор. — Кем именно, в этой схеме, определить нельзя. Поэтому мы привлекаем редактора.

— Но оставляете ему только подпись.

— Мы оставляем ему ответственность, — сказал Савельев. — Потому что решение всё равно кому-то принимать.

— Ответственность без полномочий — это удобное название для последнего человека в цепочке.

Савельев медленно кивнул.

— Это справедливо. Но и редактор с полномочиями может навредить. Вы же знаете, что такое редакторская самоуверенность.

— Знаю.

— Тогда вы понимаете, почему я считаю автоматическую правку безопаснее.

— Я понимаю, почему она кажется безопаснее. Это не доказывает, что она безопасна.

Лев услышал в собственных словах отголосок недавнего разговора о точности. Система могла показать вероятность, выстроить совпадения, подчеркнуть сомнительную строку. Но между отметкой и выводом оставался человек. Если человеку не давали выбирать, ему оставляли только удобную роль: отвечать за выбор, сделанный без него.

Он придвинул к себе панель.

— Мне нужны критерии правки.

— Какие именно?

— Что считается доказуемой ошибкой. Что считается смысловым изменением. Что система может исправлять без согласования. Что обязаны обсуждать с автором. И отдельно: за что я подписываюсь.

Савельев сложил руки.

— Вы хотите составить правила до того, как увидите текст.

— Иначе я сначала соглашусь на работу, а потом обнаружу, что под словом «редактирование» подразумевается что угодно.

— Разумно. Но сроки у нас короткие.

— Это не аргумент в пользу неясных условий.

Куратор вздохнул. Не театрально, а так, словно только что обнаружил ещё одну строку в таблице, которую придётся заполнять вручную.

— Что вам нужно для проверки?

— Доступ к исходным материалам. Не к подготовленной расшифровке, не к отчёту системы. К файлам с автономного терминала, распечаткам с пометками и истории версий. И разговор с Верой Андреевной.

— Она не любит публичные обсуждения.

— Я не прошу интервью для прессы.

— Она устала от архивных запросов. Мы стараемся не беспокоить её без необходимости.

— Мне не нужно спрашивать, почему она поставила запятую. Мне нужно знать, что делать, если предложение допускает два смысла.

— Некоторые вопросы можно решить по тексту.

— Тогда решать их будет тот, кто прочитал текст. Я. Но если речь о том, что автор имела в виду, мне понадобится её ответ.

Савельев посмотрел на Льва внимательнее.

— Вы хотите право связываться с автором напрямую?

— По вопросам смысла. С записью согласованного изменения. Не через пересказ отдела, который уже получил машинный вывод.

— Запись будет храниться в фонде.

— С указанием, кто предложил изменение, кто его утвердил и на каком основании.

Савельев развернул пустой документ.

— Хорошо. Диктуйте ваши критерии.

Лев не стал диктовать. Он открыл поле ввода и набрал заголовок: **Границы редакторского вмешательства.**

Потом начал с первой строки.

Первое. Исправлять доказуемые ошибки: опечатки, пропущенные знаки, неверное написание имён и дат, если ошибка подтверждается исходным материалом или надёжным источником. Каждое исправление фиксировать в журнале изменений.

Он остановился.

— Даже пунктуация может менять смысл, — сказал Савельев.

— Поэтому я написал не «вся пунктуация». Если знак однозначно пропущен при наборе, исправляю. Если он влияет на смысл или ритм фразы, отмечаю и обсуждаю.

— Это замедлит работу.

— Возможно.

— Редакционная деятельность вообще склонна к этому.

Лев продолжил.

Второе. Предполагаемые ошибки, неоднозначные места и фактические расхождения не исправлять молча. Отмечать их отдельно. Фактическое утверждение менять только при наличии проверяемого основания; если исправление меняет смысл текста, решение согласовывать с автором и заносить в журнал.

— Вы не хотите доверить спорные места системе, — сказал Савельев.

— Я хочу, чтобы система помогала их находить. Это не то же самое, что позволить ей решать.

Он набрал третью строку:

Третье. Сохранять авторский голос: характерные повторы, необычный порядок слов, ритм, лексику и намеренные отступления от нормы. Не переписывать фразу только потому, что её можно сделать привычнее или глаже.

— «Намеренные» — ключевое слово, — заметил Савельев. — Как вы отличите намеренное от случайного?

— Не всегда отличу. В этом и причина не исправлять молча.

— Получается, вы оставите в книге ошибки.

— Возможно. Или то, что кому-то покажется ошибкой. Если мы не знаем, что именно перед нами, уверенность не делает догадку фактом.

Савельев коротко усмехнулся.

— Вы умеете сделать неопределённость очень неудобной.

— Она и есть неудобная.

Они добавили ещё две строки. Исходную версию следовало сохранить без изменений. Машинные предложения должны были отображаться как предложения, а не как уже внесённые поправки. Заключительная подпись Льва подтверждала только то, что он провёл редакторскую

проверку в согласованных границах. Она не удостоверяла безошибочность книги и не заменяла отдельную проверку происхождения текста.

Когда документ был готов, система отказалась принять его как стандартный протокол.

Формат не предусмотрен. Выберите типовое заключение.

Лев посмотрел на Савельева.

— Это она так выражает несогласие?

— Нет. Это она выражает отсутствие поля для вашего несогласия.

Куратор вызвал служебное меню и запросил ручное добавление приложения. На панели появилось предупреждение: изменение стандартной процедуры потребует подписи куратора фонда. Ниже мелким шрифтом добавлялось, что срок исполнения заявки не гарантируется.

— Если вы настаиваете на этих условиях, — сказал Савельев, — машинную редакцию до вашей проверки не выпускают. Но если к полудню пятницы текст не будет готов, в субботу мы используем резервный вариант.

— Я понял.

— И ваше назначение может быть отменено. В таком случае архив передаст материал редакционной группе. Ваше годовое соглашение заканчивается через одиннадцать дней. Я не могу обещать, что исключение не повлияет на продление доступа.

Савельев сказал это не как угрозу. Скорее как человек, который счёл бы нечестным промолчать о последствиях.

Лев взглянул на уведомление о договоре, всплывшее в углу личной панели. Продление ещё не обсуждали. Он закрыл уведомление.

— Мне не нужна гарантия продления, — сказал он. — Мне нужно знать, за что я отвечаю.

— Это может стоить вам места в группе.

— Возможно.

Он не произнёс ничего похожего на клятву. Не почувствовал, что в комнате изменился воздух или что теперь обязан стать лучше прежнего себя. Просто вернулся к тексту приложения и проверил каждую строку. В этот раз он не нажал кнопку, пока не прочёл, что именно она означает.

Савельев подписал ручное исключение. Затем повернул панель к Льву.

— Назначение вступит в силу, если вы его примете.

На экране появились две кнопки: **Принять редакторскую ответственность** и **Отказаться**.

Лев открыл пояснение к первой. Там было сказано, что назначенный редактор несёт ответственность за соответствие итогового текста утверждённой редакции. Он добавил условие: ответственность распространяется только на проверку в пределах приложенных критериев и не означает предварительного одобрения результата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.